

Конец «Инкубатора»

16+

Михаил Голубев

Михаил Голубев
Конец «Инкубатора»

«ЛитРес: Самиздат»

1992

Голубев М.

Конец «Инкубатора» / М. Голубев — «ЛитРес: Самиздат», 1992

Неправдоподобные приключения Соловьева и Пономарева — агентов
Галактической Спецслужбы, офицеров и джентльменов.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Пролог

Над славным городом Архангельском светило солнце.

Но солнца никто не видел.

Серый дым, поднимающийся от руин, заслонил собой все небо. Едким туманом стелился он между островами бывших домов, между покореженными кузовами автомобилей, заползал в квартиры, населенные когда-то людьми, а ныне пустые и мертвые, и стекал в глубокие воронки, оставаясь там долгое время...

Шла война.

Это была странная война, начавшаяся совершенно неожиданно для мирных жителей Архангельска. Война, пришедшая из ниоткуда, из подвалов домов, из люков канализационных колодцев, даже из обыкновенных зеркал, которые были в каждой квартире. Последнее было самым удивительным и жутким в этой внезапной агрессии. Многие зеркала в тот момент окрасились в красный цвет человеческой крови.

Никто не мог (или просто не успел) понять – откуда, зачем и за что? Враги безмолвно уничтожали людей. Они хладнокровно сравнивали с землей любой живой организм своими стальными ногами-гусеницами. Им были чужды понятия совесть и честь. Они были беспощадны. Они были роботами. Тот, кто послал их, был маньяком, алчным и безумным шизофреником, пришельцем из другого мира, созданного им самим, как плод больного воображения. С помощью огромного сооружения, специального завода, прозванного в народе Инкубатором, он создавал свои адские машины, наделял их микроскопическим мозгом охотника-убийцы и посылал уничтожать все живое, что встретится на пути.

И, казалось, не было такой силы, которая могла бы противостоять столь мощному и беспощадному натиску чужой армии. Но, однако, на беду врага, так всего лишь только казалось...

По улице Карла Маркса, ловко уворачиваясь от выстрелов патрульных роботов, снующих между развалинами, быстро продвигался некий молодой человек, направляющийся в сторону проспекта Новгородского. С точки зрения любого разумного архангелогородца, его появление в этом районе было равносильно самоубийству. Никто не решался посещать центр города среди бела дня, когда улицы прямо-таки кишмя кишели роботами-убийцами, выискивающими оставшихся в живых людей. Но молодой человек, словно заговоренный, бежал, слегка пригнувшись, прыгал с обломка стены на кусок бетонной плиты, с нее – на обрезок трубы теплотрассы, торчащий из земли, мимо двух Истребителей, лихорадочно крутящих квадратными головами при появлении человека. Еще секунда, и смертоносная очередь из пулемета, направляемого компьютером, сразила бы отчаянного смельчака, но он нырнул в открытую дверь подвала и в следующий момент был уже по другую сторону огромной каменной стены, бывшей некогда жилым домом.

Все эти маневры человека были еще более удивительны, если принимать во внимание большой тяжелый пакет, привязанный к его спине крепкими кожаными ремнями.

Молодой человек был в майке и поэтому было видно, как проявились сплетения вен на его руках и шее. На пыльный бетон дорожки, по которой он бежал к своей цели, падали градинки пота...

Наконец выстрелы стихли, роботы остались за неприступной каменной грядой, отделяющей Центр от Нейтральной Зоны, и молодой человек смог передохнуть.

Он уселся, отстегнув пакет и, оперевшись спиной о фрагмент кирпичной кладки, криво возвышающейся метра на три в высоту, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул воздух, выравнивая пульс, и посмотрел на часы.

Часы стояли.

Человек грязно выругался и, оперевшись о торчащую из земли арматуру, поднялся на ноги. Перед ним нелепо темнел силуэт чудом уцелевшего, но сильно покосившегося деревянного дома. Он осмотрелся вокруг, убедился, что ни роботов, ни людей вокруг нет, и открыл тяжелую дубовую входную дверь своим ключом.

Втащив пакет в дом, от тщательно запер дверь, изнутри обкованную железом, и, пройдя в мастерскую, также укрепленную стальными листами и подпорками, опорожнил пакет, вывалив его содержимое прямо на пол. По обшарпанным доскам пола покатались железные трубочки разных диаметров и размеров, мягко шлепнулись мешочки из полиэтилена с разноцветным содержимым, какие-то картонные и металлические коробки и ящички также оказались на полу.

Молодой человек устало уселся на диван и уставился в зеркало, висящее на противоположной стене. Из зеркала на него взглянуло юное, но суровое лицо с загорелой кожей, а светло-серые глаза имели выражение холодной уверенности.

Минут через пять, отдохнув, человек встал с дивана и принялся за работу. Трубочки соединялись между собой, на них накручивались и приклеивались специальным клеем странной формы и непонятого назначения детали из неопределенных материалов, туда же крепились электронные платы, снабженные микросхемами и микропроцессорами, в некие отверстия через миниатюрную воронку всыпались разноцветные порошки и заливалась похожая на сироп жидкость.

Через несколько часов непрерывной работы молодой человек снял с верстака полученный результат – некое сооружение из металла и пластика, похожее на автомат, но с тремя стволами разного диаметра и с видеоискателем на жидких кристаллах, как у видеокамеры. Вместо затвора имелась воронка с крышкой.

Молодой человек открыл окно, забранное стальной решеткой и, вскинув автомат, приложил глаз к видеоискателю. Внутри автомата тихонько зашелестел подшипниками радар.

– Ну, теперь мы посмотрим, что ты за зверь, – сказал, неизвестно к кому обращаясь, молодой человек.

Глава 1

Несколько ракет – лейтенант Герасимов не успел сосчитать, сколько, – прилетев неизвестно откуда, вспахали асфальтовую поверхность проспекта. Пелена из огня, дыма и осколков ослепила на миг весь батальон и щедро усыпала с ног до головы кусками дорожного покрытия, деталями машин и останками пешеходов. Не успели прийти в себя, как новые взрывы загрохотали вокруг, руша многоэтажные дома и давя под их осколками людей. Этот ад продолжался минут пятнадцать, а затем все резко стихло. Оглушенные ополченцы стали потихоньку вылезать из укрытий.

Лейтенант Герасимов прильнул к биноклю и стал вглядываться в дымовую завесу. Но разглядеть что-либо не помогли даже цейсовские стекла.

Совсем еще молодой и красивый Герасимов, мало нюхавший пороху по причине совсем невоенного образа жизни, из которой его вырвала любовь к свободе и бросила в окопы защищать родной город от иноземных захватчиков, отряхнул китель от насыпавшейся на него грязи, подтянул потуже ремешок, прикрепляющий потертую фуражку к его белокурой овальной голове, и повернул ее, голову, в сторону тыла, откуда доносился все усиливающийся шорох.

Этот звук издавал, двигая локтями, коленями и животом, ползущий по-пластунски прапорщик Сидоренко, чья перевязанная бинтом голова делала его похожим на Фантомаса.

– Вы живой, товарищ лейтенант? – спросил Сидоренко, скатываясь в окоп.

– Я-то живой, – ответил Герасимов, – а вы, я вижу, ранены.

– Да, действительно, – не мог не согласиться прапорщик, потрогав испачканной грязью рукой повязку на голове.

Потом вспомнил, зачем приполз, и добавил:

– Мы вон с дома посмотрели – танки идут.

– Танки? – не поверил Герасимов. – Какие танки?

– Такие большие машины на гусеницах и с пушкой. Внутри, как правило, расчет от трех до пяти человек.

– Да?.. – рассеянно сказал Герасимов.

Весть о танках его озадачила. Лейтенант попробовал вспомнить, что делали против танков в фильмах про войну.

– Так пушку сюда надо! С противотанковыми снарядами!

Прапорщик ничего не сказал на это. Он знал, что знал и лейтенант насчет пушек. Не было пушек. Откуда им взяться-то?

Лейтенант Герасимов посмотрел на дымовую завесу. Она медленно, но верно приближалась к окопам, где сидели ополченцы. Уже слышно было, как урчат дьявольские механизмы, неся неминуемую смерть многим честным жителям города и ему, лейтенанту, в том числе.

Герасимов достал из кобуры пистолет Макарова и положил его на бруствер.

– Есть у народа гранаты? – спросил он у прапорщика.

– Ежели раздать, то будут.

– Так раздай поскорее. И мне заодно принеси.

– Слушаюсь, – сказал прапорщик Сидоренко и уполз.

Лейтенант снова посмотрел на пелену дыма и увидел неясные тени,двигающиеся внутри нее. Через миг показались танки. Это были странные машины, не такие, какие лейтенант привык видеть по телевизору. Они вовсе не напоминали стальные машины, а были изящными и легкими на вид. Маленькие кабинки помещались между высокими шасси. Из кабинок торчали непрерывно шевелящиеся стволы крупнокалиберных пулеметов. Между танками аккуратными цепочками двигались механизмы поменьше, размером с человека, но, так же, как и танки, на гусеничном ходу. Механизмы были снабжены манипуляторами, напоминающими руки, в каж-

дом из которых было по автомату. Армия бесстрастных роботов-убийц двигалась на людей, шеренга за шеренгой выплывая из тумана.

Раздались нестройные выстрелы – у некоторых ополченцев сдавали нервы.

– Не стрелять! – рявкнул лейтенант. – Пускай поближе подойдут!

И тут роботы дали первый залп. Повинуясь неведомой команде, пулеметы выстрелили одновременно, издав громоподобный хлопок, словно кто-то щелкнул гигантской плетью. Земля перед ополченцами встала стеной от пулеметных очередей. Очевидно коварные механизмы не имели целью уничтожить врага одним залпом и поэтому перестали стрелять, продолжая неотвратимо двигаться прямо на окопы. Все это выглядело настолько устрашающе, что лейтенант мысленно попрощался со своей овальной головой, решив, что выкрутиться из этого дерьма поможет только чудо. Но чуда не предвиделось.

– Кажется, я немного опоздал, – сказал какой-то парень, прыгнувший в окоп рядом с лейтенантом Герасимовым.

Тот вздрогнул от неожиданности.

– А ты еще кто такой? – строго спросил лейтенант, машинально стряхивая с погон песок в попытках замаскировать нервную дрожь в конечностях.

– Моя фамилия Соловьев, – сказал парень и вскинул висящий на широком ремне странный автомат с тремя стволами. – Можете меня так и называть в дальнейшем.

Лейтенант не знал, что сказать дерзкому добровольцу, и тот, воспользовавшись замешательством, также не говоря ни слова, поставил свое оружие на бруствер и прикинул глазом к видоискателю.

– Можно начинать или будет какая команда? – небрежно спросил он, не отрываясь от прицела.

Обескураженный лейтенант пожал плечами, и Соловьев, восприняв молчание как знак согласия, мягко нажал на курок.

Автомат работал практически без отдачи. Соловьев аккуратно поворачивал его, выбирая цель, и вражеские танки разлетались на куски, изрыгая огненные брызги. Соловьев жал на курок, напрягшейся жилистой рукой держа автомат за ручку, а изнутри оружия доносились звуки, похожие на завывание мотора буксующего грузовика.

Через пятнадцать минут все было кончено. Соловьев снял автомат с бруствера и подул на раскаленные стволы.

Лейтенант Герасимов был не очень задумчивый человек. Он просто сказал:

– Хорошо стреляешь, рядовой! Поступаешь в мое распоряжение вместе со своей штуковиной. Кстати, а где взял?

– Сам сделал, – сказал Соловьев и закинул автомат за спину.

Наступил вечер. Ополченцы развели костры вокруг здания бывшего Дома Культуры. Внутри также были зажжены факела, поскольку электричества не было.

Соловьев сидел в кабинете майора Жукина на стуле. Автомат лежал у него на коленях. Майор Жукин расхаживал по кабинету. Это был невысокого роста, толстенький мужичок с хитрыми глазками и большой лысиной посередине круглой головы. Его руки непрерывно двигались, иллюстрируя жестами сказанное, влажные губы под буденовскими усами шевелились, когда изо рта доносились звуки, складывающиеся в слова и предложения.

– Вот ты, Соловьев, говоришь, что сам сделал эту штуковину. Я видал с крыши, как она работает, и, знаешь ли, пришел к выводу, что есть повод сомневаться в правдивости твоих слов. Такое чудо техники можно приравнять только к более высшей инженерной науке Инкубатора. Уж не шпион ли ты, Соловьев?

– Это оружие, майор, превосходит оружие Инкубатора по всем техническим характеристикам и использовалось оно мною как раз против инкубаторской армии. Какой же я шпион?

– Допустим, – вроде бы соглашался майор. – Но кто же ты тогда?

– Соловьев.

– Допустим и это, – сказал Жукин серьезным и поучительным тоном, поскольку любил казаться умнее других. – Но ты, Соловьев, наверно полагаешь, что тебе сейчас медаль дадут? Это не так. Немедленно сдай автомат лейтенанту Герасимову и поступай сам в его распоряжение. Я объявляю тебя мобилизованным в ряды. Так точно?

– Может и точно, но не так, – спокойно ответил Соловьев. – Это мой собственный, личный автомат, я сам его сделал и собираюсь с его помощью уничтожить Инкубатор. Я даже готов выполнить любое ваше боевое задание, направленное против Инкубатора, дабы спасти город. А если вы хотите отобрать мой автомат силой, то можете попробовать.

Сказав это, Соловьев очень мило улыбнулся. Майор Жукин покосился на его напрягшиеся бицепсы и тонкие, но сильные пальцы, готовые в любой момент привести оружие в действие, что-то там обдумал в своей голове и, в конце концов, тоже криво улыбнулся, ощетинив усы и показав редкие желтые зубы.

– Ну что ты, что ты, Соловьев! – воскликнул он ласково и возобновил приостановленное было расхаживание по комнате. – Не хочешь отдавать – не надо. Хотя, по законам военного времени, за это можно и к стенке. Ну да ладно. У меня на тебя созрели иные планы.

Майор перестал расхаживать, остановившись у прикрепленного к стене факела, и прикурил от него.

Пока майор курил сигарету, он не вымолвил ни слова. Соловьев терпеливо дождался. С улицы доносились разговоры солдат, отдыхающих после трудного дня. Судя по обрывкам фраз, долетавших через форточку, Соловьев понял, что большинство обсуждает его давешнюю демонстрацию сверхоружия.

Наконец Жукин лихо бросил окурочек в пепельницу, однако не попав, и сказал следующее:

– Значит так, Соловьев. Даю тебе боевое задание: нам известно, что в помещении бывшего Драмтеатра находится склад запчастей для роботов Инкубатора. Склад необходимо уничтожить во что бы то ни стало. Людей подберешь сам. В случае удачи получишь звание лейтенанта, паёк и женщину. Даю тебе полную свободу действий.

Соловьев пожал плечами.

– Что ж, – сказал он. – К этому, наверно, я и стремился. Думаю, майор, победа будет за нами. Но склад это не главное. Главное – тот, кто ими управляет.

– Не изобретай велосипеда, Соловьев, а выполняй, что тебе приказано. Взрыв склада послужит для нас сигналом к штурму Инкубатора.

– Не думаю, что это их остановит, – с сомнением сказал Соловьев. – Но, конечно, спасибо за свободу действий.

Соловьев встал со стула, пожал мозолистую ладонь майора и вышел из кабинета, взвалив автомат на плечо и что-то насвистывая. Но он успел услышать до того, как захлопнется за ним дверь, что майор немедленно принялся вращать ручку полевого телефона, чтобы кому-то позвонить. Интересно, кому и насчет чего?

В коридоре, сидя на подоконнике, Соловьева уже поджидал сержант Пономарев, старый его друг и соратник, добродушный и отзывчивый молодой человек приятной наружности.

– Странный он человек, этот майор, – сказал Соловьев, подойдя к Пономареву. – То шпиона во мне подозревает, то задание дает.

– Какое задание? – спросил Пономарев заинтересованно.

– Наша догадка подтвердилась – в Драмтеатре их склад. И этот Жукин велел мне, ни много ни мало, взорвать его в самые сжатые сроки. Так-то.

Пономарев задумчиво почесал в затылке и сказал:

– С какой-то стороны это нам на руку.

– Естественно, – сказал Соловьев.

Мимо пробежал лейтенант Герасимов, и Соловьев ловко поймал его за рукав.

– А, это ты, рядовой, как тебя... – лейтенант порывался бежать дальше, но Соловьев держал его крепко.

– На, держи вот, – он протянул Герасимову свой автомат, и тот сразу стал спокойным. – Вам он здесь нужнее, а мне пока ни к чему.

Лейтенант с любопытством вертел диковинное оружие перед носом, силясь постигнуть принцип его действия. Соловьев помог ему.

– Вот здесь управление режимом стрельбы. Пули, гранаты, ракеты. Здесь – желаемый калибр, стволы, а вот в эту воронку можно складывать порох и металл. Можно любые патроны. Встроенный синтезатор сам подготовит нужные заряды. Вот в этом глазке – прицельный крестик, трансфокатор для снайперской стрельбы отравленными иглами, счетчик расхода боеприпасов, режим работы оптического прицела: обычный, инфракрасный, ультрафиолетовый, рентгеновский и с применением отраженного ультразвука. Тут – дистанция до цели, вот эта кнопка – автоматическое отслеживание цели, а это – спусковой крючок. Все просто, лейтенант.

– Ну-у... – только и сказал Герасимов.

Соловьев снисходительно похлопал его по плечу, и лейтенант удалился, гордо и с опаской неся сверхоружие на вытянутых руках.

– А теперь пошли, Пономарев, народ выбирать. Люди нам нужны надежные, так что будем полагаться на тебя.

Пономарев слез с грязного подоконника, отряхнул задницу, и два друга двинулись вдоль по коридору, а свет факелов создавал причудливые тени от их фигур, дрожащие и прыгающие по стенам...

Глава 2

Гной Вендерт важно восседал на своем любимом троне, сделанном из металла и человеческих костей. Его огромная фигура, облаченная в длинный серый плащ с капюшоном, возвышалась на троне, будто скала. Из-под капюшона были видны только глаза, светящиеся призрачным красноватым светом.

– Откуда взялся этот Соловьев? – произнес хриплый голос откуда-то из глубины капюшона. – Что за хренов герой? Почему до сих пор жив?

Одетая в черную кожу с металлическими заклепками фигура человека, раболепно стоящего на коленях перед тронном, сжалась, а лысая голова спряталась между широкими плеч.

– Не знаю, Ваше Гнойство! Он появился совершенно неожиданно!

– Я тебе, тварь, башку откручу и в задницу засуну, ежели этот Соловьев завтра же не будет доставлен живой илидохлый! Ясно?

Человек мелко затряс головой.

В это время дверь в Тронный Зал отворилась, и аналогично лысый в коже человек сообщил:

– Агент Зомби на проводе, Ваше Гнойство!

– На проводе... – рассеянно повторил Вендерт. – Повесился, что ли?

– Никак нет, звонит по телефону.

– Гхм...

Гной Вендерт взял трубку своего телефона и долго слушал. Потом, несколько оживившись, сказал:

– В Драмтеатр, значит? Ну и прекрасно! Я пришлю своего человека. За его суперавтоматом. Хо-хо-хо!

Затем бросил трубку на рычаг телефонного аппарата и приказал преклоненному:

– Пойдешь в Дом Культуры и заберешь у лейтенанта Герасимова автомат с тремя стволами. Без него, естественно, можешь не возвращаться!

– Да здравствует Гной Вендерт, господин Архангельска и вся его области! Ура! – раболепно прокричал кожаный человек и выбежал из Тронного Зала.

Он некоторое время бежал по многочисленным коридорам, затем скрылся в густом тумане, где и хлопнул какой-то дверью.

Между тем, черный, как смоль, «Москвич-412» несся по уцелевшему асфальту, невидимый в кромешной темноте ночи. Встроенный радар позволял водителю ориентироваться, не включая фар, а мощный электродвигатель работал почти бесшумно.

За рулем «Москвича» сидел прапорщик Сидоренко, старый, опытный профессионал в этом деле – до войны он работал шофером в кинопрокате. Соловьев, одетый в маскировочный костюм, как и все в его группе, сидел рядом с прапорщиком и посматривал то на радар, то в переднее стекло, защищенное от шальных осколков мелкой стальной сеткой. Но за стеклом все равно ничего не было видно. «Хорошо, – думал Соловьев, – что я встретил этого прапорщика...» И еще бы! Целый ящик гранат, принесенный Сидоренкой, был как нельзя кстати для взрывных работ.

На заднем сидении находились Пономарев и Сергей Ван Ли, русский кореец по происхождению и прекрасный стрелок из лука по призванию. Под слабый, трясущийся свет фонарика они изучали план Драмтеатра и отмеченные на нем посты. План был очень кстати предоставлен майором Жукиным.

В багажнике «Москвича» помимо ящика с гранатами лежал и трехствольный автомат, который в самый последний момент Соловьев почему-то решил все-таки взять с собой.

А следом за «Москвичом», стараясь оставаться незамеченным, быстро ехал на роликовой доске человек в кожаной одежде. Ему был нужен только автомат...

«Москвич» затормозил около здания Почтамта, ныне представляющего собой мрачные серые развалины, кажущиеся в ночной тьме горным массивом. Отсюда до Драмтеатра было рукой подать. Это был район, занятый роботами, но ни одной боевой машины не было видно. Очевидно, большая часть из них находилась на ночной профилактике, а остальные сосредоточились на линии фронта, где сегодня ночью было особенно горячо. Об этом обещал позаботиться Жукин.

– Дальше пойдем пешком, – сказал Соловьев тихо. – Пономарев и Ван Ли пойдут со мной, а ты, прапорщик, держи автомат и будь готов в любой момент ехать. Если заметишь кого-нибудь подозрительного, то сразу стреляй. Пароль: «Бедуин спит один». Понятно?

– Так точно, товарищ Соловьев!

– Ну и ладненько.

Диверсанты надели на спины рюкзаки с гранатами и, укрываясь за обломками зданий и уцелевшими деревьями, двинулись в сторону Драмтеатра.

Как только они скрылись из виду, прапорщик Сидоренко сел в машину и, включив фонарик, открыл журнал «Работница». Сильно волновала его судьба колхозницы Маши Стручковой, описанная в повести «ТИХИЕ ДНИ, НО НЕЛЕГКАЯ СУДЬБА КОМСОМОЛКИ СТРУЧКОВОЙ В ПЕРИОД ВСЕОБЩЕЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ», которую любитель мелодрамы начал читать еще три дня назад, найдя полуобгоревший журнал во время рытья траншеи. Что же скажет Маша на предложение механизатора Серафимова о совместном походе в соседнюю деревню за колбасой?

– Бедуин спит один! – сказал ласковый, но запыхавшийся голос, принадлежащий лысой голове, заглянувшей в приоткрытую дверцу «Москвича»...

Некогда величественное здание Драмтеатра представляло теперь печальное зрелище. Зияющее проломами стены, обвалившиеся колонны – угрюмый, безжизненный труп...

Здание было огорожено высокими бетонными столбами, между которыми была натянута колючая проволока. Вдоль ограждения неторопливо проезжались сторожевые роботы с автоматами в клешнях, ныряя из одного освещенного участка в другой. Свет исходил от ярких прожекторов, установленных на некоторых столбах, и был также направлен на само здание инкубаторского склада.

Соловьев, Пономарев и Ван Ли, схоронясь за упавшим на бок трамваем, наблюдали за поведением сторожевых роботов. Очевидно, их было всего три. Двое из них объезжали ограду по периметру, держась на противоположных его точках, третий двигался навстречу им, дабы, если что, держать обстановку под визуальным контролем. Также на крыше склада-драмтеатра неслышно шевелилась автоматическая пушка, контролируя весь периметр сверху.

– Интересно, однако, откуда у Инкубатора такая техника? – тихонько присвистнул желтолицый Сергей Ван Ли, поражаясь четкостью и рациональностью движений роботов.

– На то и Инкубатор, – объяснил ему Пономарев.

– Пора, мужики, – сказал Соловьев. – Ван Ли, ты сможешь накрыть эту хреновину на крыше?

Ван Ли прищурил и без того узкие глаза, оценивая расстояние.

– Как не фиг, однако, делать, начальник!

– Отлично! Пономарев, попробуй отвлечь вон того, который ездит не в ту сторону. А я займусь проходом.

Соловьев вытащил из-за спины укрепленный там продолговатый чехол и извлек из него поблескивающий голубой сталью клинок длиной в полметра. В длинной ручке клинка нахо-

дился метательный нож и шелковый шнур с автоматически раскрывающимся тройным крюком-кошкой на конце.

Тем временем Ван Ли собрал складной лук, натянул тетиву, прицелился и выпустил стрелу, на которой вместо острия был укреплен мощный заряженный конденсатор электрического тока. Попад в робота-пушку на крыше, конденсатор с сухим треском разрядился в его металлический корпус, вызвал электрошок, и у механизма сгорели все полупроводники. Пушка сдохла.

После этого Пономарев, не стесняясь, подошел к проволоке в тот момент, когда мимо проезжал противоположно двигающийся робот, и громко сказал:

– Эй! Привет, приятель, мать твою! Я не сильно опоздал на второй акт?

Робот в недоумении остановился, направив объективы глаз на неожиданного пришельца, но быстро сориентировался и металлическим голосом произнес:

– Скажи пароль!

– Пароль! – мгновенно отреагировал Пономарев.

Робот на секунду задумался, но потом направил на Пономарева автомат.

– Ответ неверный, – сообщил он, – У вас есть десять секунд, чтобы сказать пароль, иначе я стрельну, человек!

Пономарев не на шутку испугался. Он увидел, как с одной стороны Соловьев рассекает стальную колючую проволоку клинком, делая проход, а с другой быстро приближается еще один робот.

– Осталось шесть секунд... пять... четыре...

Вдруг что-то просвистело у самого уха Пономарева, и в работе что-то звякнуло. Механизм примолк и пошатнулся. Из его левого объектива торчала стрела, метко пущенная Сергеем. Стрела была металлическая и поэтому вызвала короткое замыкание у робота в голове.

Пономарев бросился бежать к проходу, который успел прорубить Соловьев. Раздалась автоматная очередь – это второй робот начал стрелять Пономареву вслед. Бурунчики вспаханной пулями земли возникали под самыми пятками Пономарева. Он подумал, что жизнь была прекрасна и расставаться с нею будет очень жаль...

Внезапно за спиной увлеченного погоней робота возникла фигура Соловьева. Несколько ковырятьельных манипуляций клинком, и – раздался треск электрических разрядов. В воздух полетели куски расплавленной изоляции. Робот замер и успокоился.

– Хороший агрегат! – похвалил робота Соловьев, пытаясь обтереть обугленную поверхность клинка об штанину. – Только неужели это всё? Маловато охраны для склада-то...

Взрыв был внушительный. Гранаты были замечательные, очень мощные. К тому же, Соловьев очень тщательно уложил их вокруг склада и на его крыше. Кроме одной. Ее Пономарев сунул себе в карман. На всякий случай.

Одновременный взрыв ста сорока девяти гранат, обеспеченный дистанционным управлением, разрушил здание Драмтеатра до основания, раскидав огромные бетонные глыбы на много метров в разные стороны. Столб огня и дыма поднялся высоко в небо и осветил все вокруг.

Диверсанты бежали к машине. Ее черный полированный корпус отражал языки бушующего в нескольких сотнях метров пламени.

– Бедуин спит один! – севшим голосом прокричал Соловьев, бегом приближаясь к машине.

В этот момент раздался звук, напоминающий завывание мотора буксующего грузовика. Ноги Соловьева согнулись под неестественным углом, он упал. В лицо подбежавшего Ван Ли брызнула кровь и полетели ошметки Соловьева. Но Сергей не успел поднять свой прославлен-

ный лук. Несколько пуль разорвали на куски его черепную коробку, и Ван Ли свалился, как подкошенный.

Бежавший позади всех Пономарев метнулся за бетонную плиту, торчащую из земли, и это его спасло. Он слышал, как матерится неизвестный враг, ища переключатель с пуль на ракеты, и, воспользовавшись заминкой, достал из кармана гранату, на миг высунулся из-за укрытия и метнул её в машину. Яркая вспышка взрыва ослепила его, а набежавшая взрывная волна опрокинула плиту, придавив ею Пономарева...

***

– Отличная работа! – радостно сказал Гной Вендерт сам себе.

И волки были сыты, и овцы целы. Соловьев мертв, страшный автомат погиб вместе с тем, кто его украл, пустой Драмтеатр взорван, заставив ополченцев мечтать, что там будто бы находился склад.

Инкубатор процветает, слава Инкубатору! Скоро прольется новая кровь, и так будет до тех пор, пока последний непокорный человек не отправится на Тот свет!

Гной Вендерт потер лапы. Скоро, очень скоро город станет очередным Этажом в его мире, в мире Великого Инкубатора! И когда у него будет достаточное количество Этажей, он завоюет и весь Лабиринт! И да воцарится во Вселенной великий Гной! Ура! Ура! Ура! Если, конечно, кто-нибудь еще не помешает...

Гной Вендерт озабоченно почесал скрытый под капюшоном затылок. Еще много и долго надо работать, убивать и насаждать власть. А это не просто...

Глава 3

Сознание возвращалось к Соловьеву медленно. Сначала, когда он очнулся, ему показалось, что его разрезали на части. Он попытался пошевелить конечностями, но снова потерял сознание. Потом он ощутил резкую боль в ногах и левой руке, кто-то ругался. Кажется, он сам.

Через некоторое время он смог открыть глаза, но увидел какую-то белиберду – что-то пестрое мелькало, и никак не удавалось навести фокус. При этом раздавался подозрительный лязг металла. Ему показалось, что некая жидкость стала литься на него, проникая внутрь тела, но он по-прежнему не мог шевелиться.

Наконец сознание окончательно установилось на своем месте. Соловьев открыл глаза, но ничего не увидел. Он почувствовал на лице повязку, закрывающую зрительные органы, и определил, что лежит на спине. Соловьев предпринял попытку встать.

– Тихо! Не дергайся! – приказал ему строгий голос Пономарева.

– Это ты, чтоль? – спросил Соловьев у невидимого друга.

– Нет, это Брежнев, – ответил ему Пономарев.

– Почему ты завязал мне глаза и почему мои руки-ноги не двигаются, в самом деле?

– Они еще не высохли.

– Чего не сделали?

– Не высохли.

– Я что, купался? Что происходит, мать твою?!

Соловьев терял терпение.

– Ну ладно, но тебе нельзя волноваться, – сказал Пономарев и снял повязку с глаз Соловьева.

Соловьев открыл глаза и опять увидел какую-то белиберду. Он также видел и Пономарева, но вроде только одним глазом. В другом глазу мелькали призрачные окружности и квадраты разного цвета.

– Что-то качество изображения... не того... – заметил Соловьев обиженно.

– Закрой левый глаз, – посоветовал Пономарев.

Сделав так, Соловьев с удивлением обнаружил, что стал вновь нормально видеть. Он увидел Пономарева, стоящего рядом с его распятым на верстаке телом. Руки и ноги Соловьева были привязаны к верстаку ремнями. Никакой одежды на Соловьеве не было.

– Ты... извращенец!.. – начал было Соловьев, но быстро осекся.

Он увидел свои ноги. Но это были не его ноги. Это были стальные ноги робота с пластиковыми мышцами и никелированными суставами.

– Что ты сделал с моими ногами?! – воскликнул он.

– Увы, мне не удалось их спасти. Это протезы. Я изготовил их из ломаных инкубаторских роботов и той биомассы, что нашел у тебя в кладовке.

До Соловьева наконец-то дошло, что он находится у себя дома.

– Я что, в аварию попал? – спросил он осторожно, осознавая, что решительно ничего не помнит.

– Хуже, – сказал Пономарев. – От тебя осталась только часть туловища, правая рука и голова, отделенная от шеи. Кстати, некоторые твои внутренности также пришлось удалить и вставить синтетические.

– Вот как?..

– Да... – вздохнул Пономарев и поведал Соловьеву обо всем случившемся, воскрешая в его памяти события недельной давности.

– И вот еще что, – добавил Пономарев напоследок. – Склада там никакого не было, а твой Жукин и не подумал нападать на Инкубатор. По-моему, он козел.

Соловьев направил на потолок свой холодный взгляд и криво усмехнулся:

– Нет, ты знаешь, Пономарев, он далеко не козел... Он свинья.

Он увидел свои ноги. Но это были не его ноги. Это были стальные ноги робота с пластиковыми мышцами и никелированными суставами.

На следующий день Соловьев встал. Ему пришлось заново учиться ходить, наклоняться, прыгать и даже пользоваться сортиром.

Еще день, и Соловьев не уставал восхищаться всеми новыми возможностями, которые имелись у его биопротезов. Он легко пробивал кулаком бетонную плиту, а ногой раскалывал чугунные сковородки, садился на шпагат, прыгал на трехметровую высоту и бегал как гепард.

На третий день Соловьев сказал Пономареву:

– Ну что, друг Пономарев, пора идти учинять разборки нашему майору Жукину. Кажется мне, что именно он и есть агент Зомби, о котором нас предупреждали на Базе.

Пономарев достал из-под дивана трехствольный автомат.

– Вот, чинил долгими вечерами, пока ты валялся без сознания. Правда, отдача теперь большая. Не нашел компенсирующей жидкости.

– Еще бы. Я последний миллилитр истратил еще месяц назад. Но это ерунда, – сказал Соловьев, принимая верное оружие из умелых рук друга. – Теперь Инкубатор от нас никуда не денется.

– Ну ладно, я сейчас соберусь, – сказал Пономарев. – Только пойду руки помою.

С этими словами он скрылся в ванной, и было слышно, как что-то загудело в трубах водопровода.

Соловьев тем временем оделся в бронежилет, армейские штаны и сапоги, сунул за голенище охотничий нож. На глаз, который показывал белиберду, он повязал аккуратную тряпочку цвета хаки.

– Эй, Пономарев! Я готов! Вылезай скорее! – позвал он друга.

Но ответа не последовало. Не было слышно ничего, кроме тоскливого завывания в трубах.

– Пономарев, черт побери, кончай дурака валять!

Соловьев распахнул дверь в ванную. Пономарева внутри не было. Следов насилия также не было заметно. Только вот большое зеркало на стене висело криво и на нем виднелись мокрые отпечатки ладоней Пономарева. Из крана лилась вода.

Соловьев пощупал холодное зеркало рукой.

– Ну и дела... – сказал он сам себе и машинально закрыл кран.

Глава 4

Майор Жукин очень любил свою секретаршу.

Вот и сейчас он любил ее страстно и глубоко, словно молодой жеребец. Кожаный, выдавший и не такие виды, диван жалобно скрипел под его темпераментным напором. По незагорелым, покрытым курчавыми волосами, ритмично двигающимся ягодицам майора стекали мутные струйки пота. Произведя финальный удар, от которого в секретарше что-то громко хрустнуло, Жукин взвыл нечеловеческим голосом. Секретарша вторила ему на более высоких тонах.

Под этот стройный и слаженный звук открылась дверь и в комнату вошел Соловьев.

– Вы кончили, я надеюсь? – вежливо спросил он.

Майор резко повернул к нему голову, щелкнув остеохондрозом шейных позвонков. Секретарша взвизгнула и, еле высвободившись из-под грузного Жукина, выбежала в другую комнату. Соловьев проводил ее розовую пухлую фигуру задумчивым взглядом и снова повернулся к майору. Тот уже стоял на ногах и лихорадочно натягивал штаны. Руки его заметно дрожали.

– С-с-сол... овьев... – бормотал он. – Т-ты ж-ж ммертвы-йк...

– Не весь, – сказал на это Соловьев. – Зато ты сейчас определенно будешь мертвый, Зомби!

Соловьев вскинул автомат и щелкнул затвором.

Майор Жукин замахал на него руками, вновь уронив штаны, и попятился, неловко путаясь ногами в собственной одежде.

– Изыдь! Изыдь! – дрожащим голосом бормотал он, пока не запнулся и не упал на пол.

Соловьев приставил стволы к поседевшей голове майора.

– Ты подставил меня, сукин сын! – сказал Соловьев, тщательно выговаривая слова. – И, если не скажешь, кто твой хозяин, я прострелю твою глупую башку!

– Убейте его! – заорал вдруг майор.

Раздалась автоматная очередь. Соловьев не успел обернуться, как в спину ему ударили пули. Его отбросило в сторону, и он упал, перелетев через распластанного Жукина.

В дверях стоял лейтенант Герасимов и держал в руках автомат Калашникова.

– Лейтенант, не стреляй! – закричал ему Соловьев. – Жукин предатель! Он из Инкубатора!

Но лейтенант только засмеялся нехорошим голосом и снял маску. Теперь перед Соловьевым стоял второй майор Жукин.

– Ничего не понимаю, – признался Соловьев и попытался встать на ноги. Спина под бронежилетом заныла.

– И не поймешь! – заявил майор Жукин, который на полу, и бросился на Соловьева, выхватывая из-за голенища своего хромого сапога армейский нож.

Соловьев перехватил его руку, оказавшуюся неожиданно сильной. Но наш герой обладал биопротезом и поэтому с легкостью вывихнул майору лучезапястный сустав. Нож упал на пол, а Жукин закричал от боли и откатился в сторону.

Соловьев пружиной вскочил на ноги и быстро поднял свой автомат, но второго Жукина в дверях уже не было. Соловьев выбежал в коридор и успел увидеть мелькнувшую за углом спину беглеца.

Жукин-2 бежал чрезвычайно проворно. Со своими прежними ногами Соловьев никогда не смог бы догнать этого негодяя. А негодяй, бесцеремонно расталкивая встречных ополченцев, неся по коридорам Дома Культуры, словно горный олень.

Выбежав на улицу, майор сбил с ног входящего в здание лейтенанта Герасимова и устремился вглубь квартала.

Соловьев в нерешительности остановился, глядя на поднимающегося с пыльной земли лейтенанта, гадая, настоящий он или поддельный, но потом решил, что с этими фокусами разберется позже, и рванул следом за майором.

А майор, между тем, выхватил из-за пазухи складную роликовую доску и, бросив ее перед собой, вскочил на нее и помчался быстрее прежнего, шурша роликами по остаткам асфальтового покрытия.

Соловьев направил на него автомат и хотел выстрелить на бегу. Но вдруг передумал, закинул оружие обратно за спину и вытащил нож.

Место было Соловьеву малознакомо. Мрачные развалины кругом, некогда бывшие красивыми домами, бетонная пыль, куски арматуры, торчащие из кусков железобетона, являющихся в свою очередь кусками более крупных кусков нечто большего...

Яркое летнее солнце играло на осколках стекол, в изобилии рассыпанных кругом.

Обугленная и полуразрушенная лифтовая шахта с чудом сохранившимися дверными створками – все, что осталось от некогда величественного строения, – являлась теперь тупиком в узком проходе между непреодолимыми завалами.

Жукин-2 в панике стучал по кнопке вызова лифта кулаком, как будто сойдя с ума и не понимая, что это бессмысленно. Видя, что Соловьев приближается, тяжело дыша и поигрывая большим охотничьим ножом, лже-майор прекратил глупые попытки вызвать несуществующий лифт и развернулся к Соловьеву. Кулаки его сжались, а глаза засветились розовым огнем.

– Ну, давай, Соловьев! – сказал он, прерывисто дыша. – Давай померяемся силами, кто кого? А?

Соловьев молча сунул нож обратно в сапог и принял стойку. Он не любил использовать оружие против безоружного противника.

Жукин-2 прыгнул совершенно неожиданно, с места. Соловьев не успел даже сообразить, что к чему, как неведомая сила обрушилась на него, заставив упасть на землю. Противник приземлился невдалеке, мягко, как кошка. Да, он выглядел хорошим бойцом!

Страхнув со штанов пыль, псевдо-майор предпринял новую атаку. Но Соловьев был к этому уже готов, быстро придя в себя после удара вражеским сапогом в челюсть. Проведя ногами резкую подсечку, он буквально лишил майора точки опоры, и тот упал лицом в грязь.

Вскочили на ноги одновременно.

Жукин набросился на Соловьева и стал работать руками с необычайной быстротой и силой. Соловьев не успевал уклоняться. Он понимал, что сейчас Жукин нанесет решительный удар и ему, Соловьеву, крышка.

Тогда он, выбрав момент, резко взмахнул левой искусственной рукой, блокировав быстро движущиеся конечности противника, и ударил майора в живот протезом ноги.

Жукин-2 отлетел далеко назад, словно игрушечный, и стукнулся спиной о кирпичную стенку дома. Стенка покачнулась и рассыпалась по кирпичикам.

Соловьев подошел поближе к пораженному противнику и заглянул ему в лицо, чтобы проверить, жив ли он.

И в этот момент коварный майор выхватил нож из-за голенища Соловьевского сапога и полоснул им его же хозяина. Но ловкий Соловьев успел каким-то чудом отскочить, и клинок лишь слегка порезал его правую руку.

Но противник был теперь вооружен и снова стоял на ногах, как будто и не проламывал спиной никакой стены. Словно прочитав грустные мысли Соловьева, майор злорадно рассмеялся и вновь снял маску. Теперь лицо его оказалось Соловьеву совершенно незнакомым, а голова была полностью лишена волос.

Новоявленный гражданин решительно двинулся на Соловьева, не переставая при этом громко смеяться. Нож хищно сверкал остро заточенной сталью в его руке.

Соловьев резко повернул голову, посмотрев в сторону, и глаз его округлился в изумлении. Бывший Жукин тоже посмотрел туда, куда повернулся Соловьев, желая выяснить, что он там такое увидел. За что и поплатился. Мгновением позже он осознал, что его рука, державшая нож, отнялась, выпустив оружие. Секундой позже его шея хрустнула и неестественно согнулась от удара армейским сапогом. А минутой позже душа майора-оборотня была уже очень далеко от тела.

Соловьев опустил ногу и насмешливо посмотрел на валяющийся на земле труп.

– Провел-таки, – усмехнулся он и, облегченно вздохнув, подобрал нож, параллельно вспоминая о том, что можно было использовать и автомат.

Но в этот момент совершилось нечто совсем из ряда вон выходящее...

Глава 5

Когда Пономарев пустил воду из крана, в трубе что-то завывало явно нечеловеческим голо- сом. Пономарев стукнул по трубе рукой, но вой не исчез, а только перешел на другую тональ- ность.

– Гадина ты этакая! – сказал Пономарев трубе и сунул руки под кран.

В этот момент ему почудилось, что на него кто-то смотрит. Пономарев поднял глаза и уставился в зеркало. И тут он вздрогнул от неожиданности: из зеркала на него глядело не его собственное отражение, а чье-то другое.

Это было изображение прекрасной длинноволосой девушки. Девушка растерянно улы- балась, вероятно, также заметив Пономарева.

Пономарев уперся руками в стекло и прильнул к зеркалу, чтобы получше рассмотреть диковинку. Разумно было бы кликнуть Соловьева, но Пономарев о нем даже и не вспомнил, увлеченный открывшимся ему зрелищем.

Первое, что он заметил, было то, что девушка была одета лишь в широкий кожаный пояс, на котором сбоку что-то висело. На поясе была бахрома умеренной длины, служившая девушке юбкой. Фигура незнакомки была спортивного сложения, но не худая. Красивая осанка и высокая грудь в сочетании с тонкой талией и крепкими стройными ногами говорили о силе и ловкости ее организма, большие умные глаза серого цвета застенчиво смотрели на Пономарева, а сам он отражался в них, словно в зеркале. Алые губы девушки изогнулись в приветливой улыбке. Светлые волосы, ниспадающие почти до пояса, были закреплены на голове тонкой кожаной веревочкой.

Помещение, в котором находилась девушка, имело круглую форму и напоминало отно- сительно благоустроенную пещеру. Были видны висящие на стенах шкуры животных и укреп- ленные там же факела, освещающие комнату.

Девушка робко поглядывала на Пономарева, несколько раз оглянувшись, как бы ища неви- димой поддержки, и, обретя наконец уверенность, улыбнулась шире, посмотрела на Понома- рева более смело и произнесла:

– Надо же, получилось...

Пономарев плохо слышал ее голос, приглушенный толстым стеклом, и поэтому приложил ухо к поверхности зеркала, неуклюже на него навалившись.

Внезапно опора исчезла и Пономарев почувствовал, что падает, проваливаясь сквозь зер- кало, толстую стену здания, изготовленную из отборного кругляка, сквозь время и простран- ство...

...Поднявшись с мягкого ковра, на который он упал, Пономарев ошарашено посмотрел на девушку, которая вызывала в нем теперь только чувство страха и удивления.

– Привет, – сказала девушка радостно. – Меня зовут Соня. А тебя?

– Пономарев, – обескураженно ответил тот.

– Какое забавное имя – Понома Р-рев! – девушка засмеялась.

Голос у нее был звонкий, словно весенний ручеек.

– Чего ты смеешься? – спросил Пономарев. – Как я сюда попал, черт возьми, кто ты такая и где я нахожусь?!

Он уже начал потихоньку нервничать, испытывая чувства, близкие к стрессу. Соня пере- стала смеяться и принялась объяснять.

– Пришел ты сюда через во-он то зеркало, – она указала за спину Пономарева, где на стене висел отполированный серебряный диск. – Это я тебя сюда втащила. Ты мой Суженый, так Матушка Дорафеля сказала. Она меня и научила, как зеркалом пользоваться...

– Ну и как же им пользоваться? – спросил Пономарев, почувствовав надежду на скорое возвращение.

– Это я тебе потом как-нибудь расскажу. А теперь пошли.

Похоже, что девушка оправилась от происшедшего, в отличие от своего нового знакомого, и снова обрела уверенность в себе.

– Извините, конечно, – сказал Пономарев, волнуясь. – Вам, может, не привыкать затаскивать к себе ни в чем не повинных людей, но лично мне все это в диковинку. Может, потрудитесь и объясните мне, в чем, собственно, дело?

– Конечно, объясню! – заверила его девушка, приближаясь.

Пономарев уловил нежный аромат незнакомых благовоний и решил, что если уж придется помирать, так лучше в обществе этой приятной девушки, чем в каком-либо другом обществе.

Рассудив так, он приказал себе расслабиться.

Соня взяла его за руку и повела за собой. Выход оказался под одной из шкур. Он вывел их на ярко освещенную солнцем площадку.

Жмурясь от яркого света, Пономарев с любопытством смотрел вокруг. Он обратил внимание, что площадка была небольшой, примерно с хоккейное поле. С одной стороны она примыкала к скалам, усеянным отверстиями пещер, кои находились на различной высоте от поверхности земли и соединялись между собой ажурными конструкциями из дерева, служащими для переходов с уровня на уровень и от пещеры к пещере, а с другой стороны подступали густые джунгли тропического леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.